Это о том, что давно никого не интересует.
О самом неинтересном:
Свободе, Равенстве, Братстве.
Задыхающийся рвет ворот рубахи, а не
расстегивает пуговку.
Путаясь, противореча самим себе в каждом
слове, мы движемся.
Задыхающийся бьет окно, а не
открывает форточку.
Давай бить окна, пока не
посвежеет.
Это не призыв к объединению на
конструктивных началах.
Это призыв к объединению.

ЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ранние закаты. Поздние рассветы. Тоска серых коробок сверхкрупного города. Гармония мигающих желтым светофоров на окраинных улицах. Холод. Улетающие пары портвейна. До дома еще далеко. Черт!

Который час? Какая разница?! Зима. Просто зима.

Почему не стихи? Стихи - это прошлое нашего движения: "Возьмемся за руки, друзья..." "..и водрузим над землею черное знамя труда..." Сейчас остался один мат. И портвейн. И тренировки, уже не ума - мускулов. Нас затравили, как на охоте, собаками, и теперь все ждут, когда раздастся первый выстрел, первый взрыв.

Лестница ржавая. Упадет? Вряд ли. Вот когда на объект полезем, с миной в рюкзаке, тогда может быть. И то если Бог против. А Бог, кажется, за.

Освобождение личности - как это было здорово и романтично! Солнце, любовь, свобода, черные флаги, первые номера "Общины", гости из Харькова, гости из Цюриха, газеты из автомата: "Написали про нас? Нет? В мусорку!" Суки! Мы им еще покажем. Мы им показали. А они нас абсорбировали. Бунтари 87 года отдыхают на номенклатурных должностях.

Блядь! Нет, это не из этой оперы. Ой! Вот это уже ближе. Все произошло без отрицательных эмоций. Даже наоборот. Мы размахивали черными флагами и орали: "Власть народам, а не партиям!", мы ловили свой кайф, а толпа уже давно кончала на Ельцина. Это был их огромный тоталитарный хуй, хуй пятидесятилетних климактерических женщин, хуй совинженеров без возраста, у которых у самих не вставало из-за обрыдшей жены и средней зарплаты, хуй пенсионеров, вдруг вспомнивших, что есть такое слово, хуй - надежда шустрых аппаратчиков - как Александрийский столп самодержавия, с ангелом-капелькой спермы-партбилетом на самом конце... А мы участвовали в их демонстрациях и замечали только друг друга. Блядь! Вот, кажется, теперь к месту.

Холод. Мат. Центр. Фестиваль экстремистской музыки. Билеты по полтора куска. На входе обыск. Панки привычно поднимают руки: обыскивай - не обыскивай, все равно обдолбаются. Свинья не приехал. "Чудо-Юдо" поет то же, что и пять лет назад, так же надувают презервативы, только вместо девиц, танцующих на сцене в черном белье, во время концерта взрывают что-то оглушительное и яркое. Похоже, Мефодий все-таки чувствует дух времени. Голый по пояс интеллигент поливает чахлую грудь портвейном, старательно растирает, но на кровь все равно не похоже. Тогда он выливает остатки портвейна себе на голову и начинает лаять в микрофон: "Любовь - это власть! Любовь - это власть одного над другим!..." Мудак.

Фотоаппарат в руки - и марш на демонстрацию. С мусорного бака хорошо видно, как отдает команды офицер ОМОНа - пока ты на этой стороне. Когда они подойдут вплотную, ищущий взгляд, борода и разъебанный "Зенит" сделают свое дело - и вот ты уже за спинами ОМОНовцев поднимаешь камеру над головой, пытаясь снять, как сталинистов запихивают в метро. Красный флаг на черно-белой пленке все равно получится серым. Черного, господи, как не хватает черного!

Руки замерзли - в карманы. Ноги промокли - сам виноват. Ингигерда - как всегда в очках и красной куртке. В теплый понедельник 4 октября она была в Белом Доме. Под огнем. Сейчас улыбается: "Всех не перестреляют!" К ней то и дело подбегают красивые молодые парни, уговаривают поесть. Ингигерда отшивает их: "Не видите, я разговариваю с журналистами". Они покорно уходят, но возвращаются снова и снова: "Пойдем, стынет!" Парни любят ее, а она любит власть, любит командовать. Баллотируется в Думу. Правильно, таким там самое место. И почему только парламент называется "Государственная Дума", а не "Государственное Насилие"?

Зимняя любовь - как зимняя кампания. Обо всем требуется забота - чтобы обмундирование просушить к походу - к ночному походу вдоль Варшавского шоссе, чтобы спички не забыть - греть сморщенные стручки легких сигаретным дымом, чтобы пожрать было - голод зимой - последнее дело. Даже пиво в подъезде дается непросто: если дует, особенно не разопьешься.

Звонок телефона. Нет, не она - товарищ по революции. Написал две статьи. Хорошо! Пизда-

нем их поутру у входа в Центральную избирательную комиссию - то-то менты забегают! По телевизору, конечно, наврут, что вот, мол, сегодня в девять часов утра бандформированием анархистов произведено два взрыва... Суки! Может, у них и взорвать? Нет, хватит, одно Останкино в этом году уже было.

За книги, за словари! Девушка - это герла, выпивка - дринч, разгон - винтилово. А как перевести анархо-синдикализм и социальную революцию?

Пачка старых фотографий. Первый наш митинг на Пушке, первый суд. А это что за хипы? А, Запорожье, столетие батьки Махно. Вот избирательная кампания Исаева. Фу, блевотина! Вот мы у Китайского посольства - это уже лучше. Ладно, проехали. Пленка нынче дорога - как хлеб, как масло.

Разглядывание коммерческих киосков - это тоже тренировка, тренировка ненависти. Или тренировка невозмутимости - для кого как. А еще есть реклама в метро - в вагонах и прямо на стенах станций. И нищие в переходах. И лицо президента в каждой передаче. И регистрация приезжих. И сплошная попса по радио. И деньги, которых нет. И война, которая скоро. Достали.

Я надеваю сапоги, куртку, наматываю шарф. Рюкзак, вроде бы, не очень тяжелый. Стрелка забита, тираж отпечатан, флаг пошит. На улицу! Навстречу девчонка - злая, лет тринадцати, со значком Летова и нашивкой "Гражданки", идет, сосульки сшибает. Ладно, подрастешь - посмотрим. Может, за нами будешь. Автобуса, конечно, нет. Строителей капитализма тоже чего-то не видно. Хорошо. Теперь так. Бычок в зубы, чирк зажигалкой. Огонек черный. Кажется, началось...

Иван ПОМИДОРОВ

АПОЛОГИЯ
АБСОЛЮТНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Попробуйте на экзамене по литературе или по истории сказать что-нибудь от себя, - и вы тотчас услышите в ответ: "Это ваше частное субъективное мнение, а потому не интересно и не нужно. Надо быть объективными!" А надо ли?

...Солдат, непонятно зачем чеканящий шаг на ненавистном плацу. Бабка, понуро смирившаяся с судьбой в трехчасовой очереди за молоком. Историк, объясняющий, что однопартийная система в СССР сложилась исторически. Экономист, сладострастно констатирующий, что по законам рынка столько-то процентов людей будет выкинуто за борт жизни неизбежной конкуренцией. Карл Маркс, прильнувший бородой и ухом к пульсу истории и напряженно пытающийся уловить контуры неизбежного завтра. Ребенок в саду, лишенный и отказавшийся от священного права влезать на крышу веранды. Художник, со словами "се ля ви!" предавший свой скромный талант ради штампованных березок, матрешек и церквушек, ходко идущих на Арбате...

Что объединяет всех их, всех нас - таких разных и непохожих?

Вечный, рабский, научно-доктринерский, почтенный принцип: "Даешь объективность! Против ветра не плюнешь, против течения не поплывешь! Чему быть - того не миновать. Все действительное разумно, все разумное действительно!"

Жадно, второпях, поскорее растворить свою зачаточную индивидуальность, свою субъективность, намозолившую душу, в чем-то надежном, научном, логичном, вещественном, объективном, разумном. В чем-то внешнем, от нас независимом и нас определяющем. Неважно, что это: очередь, кругленькая сумма на сберкнижке, солдатская шеренга, холодная логика бездушной науки, партийная воля и доктрина, дребезжащий компьютер или же законы - исторические, рыночные или государственные. Это не я - это все. Это не я - это мы. Мне - не отвечать, мне - повиноваться, ловить приказания, следовать, растворяться. У меня алиби и щит: в одной руке таблица умножения, в другой - скрижаль Моисея. И еще - полные карманы справок, составленных марксами и ньютонами или просто основанных на кулачном праве. Что угодно - пусть рабство, пусть бездушие, пусть несвобода - лишь бы не одиночество; пусть холод - лишь бы не бремя выбора, лишь бы "мы", а еще лучше: Бог, Природа, Разум, Наука, Провидение, даже Человек (Человек вообще), - но только не я - маленький, усталый, суетный, одномерный человечек. Пусть наука движется, пусть история совершается, пусть боги повелевают - я на все готов.

Достоевский заметил, что люди больше всего стремятся преклонить голову перед чем-то вне себя, но только перед тем, что бесспорно. И так они сакрализуют власть, право, обстановку квартиры, математику, волю начальника, уклад общежития, привычку пить водку с получки. Короче, - то, что не зависит никак от нас и выражается строгими и бессмертными словами: "Отрешимся от эмоций, не допустим экстремизма - да здравствует объективность!" (Объективность - это не я, а что-то внешнее, более очевидное и надежное.)

- Культ Прогресса? - Разумеется!

- А, может, вера в боженьку? Или в инопланетян-кашпировских-глоб? - Само собой!

- Устав гарнизонной и караульной службы? - А как же без него, родимого?!

- Все, как предписал Энгельс в "Анти-Дюринге": базис, надстройка, гегемон, от простого к сложному, от низшего к высшему - вперед и выше, все вперед и выше? - А как же иначе?

- Или уж культ Закона? - Ну конечно!

И: не я строил Освенцим и Чернобыль, не я посылал солдат в Афганистан, не я врал профессорам на экзамене, не я всю жизнь плыл по течению, не я вышла замуж по расчету, не я на вопрос "кто ты?" отвечал: "культсектор", не я предал что-то маленькое, зачаточное и чахоточное, шевельнувшееся под сердцем и умершее навеки... Не я! Это - обстоятельства, люди, мировая целесообразность, объективность, в конце концов!

"Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества..."

Или же - льзя?

В физике, химии, математике - в тех науках, которые всегда, со времен Ньютона, Декарта и Канта, считались наукой в собственном смысле слова, - главное - полное устранение субъективности, сосредоточение на объекте, на материальной точке, на двух пешеходах, идущих из пункта А в пункт В (меня с ними нет), на квантах и молекулах, минералах и интегралах. Меня, субъекта, человека здесь нет (я - вовне, я - чистое рацио), и чем более меня нет тем лучше, тем надежнее и точнее научный результат.

А в философии? Гегель, Шеллинг, Маркс и Ко пристально вглядываются через подзорную трубу в огнедышащую лаву истории, где катятся волны классов и наций, где умирает и вновь возрождается Мировой Разум, где гегемоны сменяют один другого, партии рвут друг другу глотки, разрушая базисы и надстройки, а холодные и непонятные производительные силы вступают в жестокую схватку с производственными отношениями. Мы охотно и радо-

стно вопрошаем: "Истинно или ложно, объективно или субъективно?" - вместо того, чтобы просто спросить: "Человечно или бесчеловечно?" Как будто таблица умножения - высшая ценность, созданная человеком! В общем - осознанная необходимость и объективная реальность, данная нам в ощущениях... Куда ни кинься - везде объективность и сто раз объективность. И нигде: со-переживания, ис-хождения и ... - зачем я, если Чистый Разум (материя) сам себя ощущает и познает, зачем я со своей болью, волей и свободой, если все равно все будет так, как должно быть?! Я все сделал, как надо - и могу идти спать. Ведь все уже наперед просчитано классиками научного социализма и научного капитализма, парламентскими геркулесами и одиссеями.

Это не я - это объективный мировой разум сыграл шуточку с Хиросимой и Бхопалом. Это не я - это Господь послал нам СПИД за грехи и в назидание. Это не я - это наш азиатский базис скушал с аппетитом культурную надстройку и не подавился. Это не я - это объективная реальность, данная мне в абсурдных, противных, бесчеловечных ощущениях гонит меня в часовые очереди за хлебом и призывает выполнять почетную обязанность по убийству себе подобных и тратить жизнь у конвейера металлических и газетных штампов. Это не я - это щедрый и мудрый рынок вырубает под корень леса Амазонии и дарит мне радость встречи с жирным БигМаком. Так исторически сложилось - без меня и помимо меня. Все это не я. Все это - объективная реальность и осознанная необходимость. "Единица - ноль..."

А я могу лишь осознать ее, эту необходимую реальность и реальную необходимость и занять свое место в общем строю одномерных человечков, людей-функций, надвинув на голову каску, перекинув через плечо автомат и учебник, полный объективных и глубоко научных штампов и, запев объективно необходимую песню, пойти дальше прожигать свою единственную жизнь, служить своей заботливой объективной машине, клацающей челюстями.

"Все будет так - исхода нет..."

"Впечатление такое, что мы собираем машину, которая всех нас раздавит..."

Лишь бы не перечить, не бунтовать. Лишь бы не одному и не самому. Лишь бы опереться на бесспорное, неизбежное, объективное, ибо я - сомнителен, нереален, нецелен, внебытиен, и только во внешнем, от меня не зависящем и мною управляющим, могу найти сладкий сон, отдых и радость, - плату за покорность. И быть всегда готовым! И снять со своих плеч непомерную тяжесть бремени выбора. И не строить замков на песке, найдя твердую почву под ногами...

А может, все же, твердая почва - трясина, откуда нет возврата? Может быть, если все время убегать от себя, можно однажды и в самом деле убежать? Может быть, - к черту ее - абсолютную объективность, со всей ее очевидностью и доказательностью, со всей ее реальностью и научностью? Может быть, почесав в затылке, сказать робкое и застенчивое чуть слышное "Да!" собственной **абсолютной субъективности**, хрупкой уникальности и неповторимости? И разве не сказал Сартр: "Когда я сочиняю симфонию - я творю мир" ?

И тогда вот: я за все в ответе. И это я: убийца, мещанин, бюргер, холоп, насильник и филистер, ибо благодаря мне в Африке люди умирают от голода, в Америке - от скуки, а в Европе - от лжи; и благодаря мне десятилетний ребенок зевает на уроке, глядя пустыми глазами на скучный мир; и благодаря мне отечественная Власть опять смогла обвести всех вокруг пальца; и благодаря мне: тюрьмы, самоубийства, гильотины, учебники, психушки, аборты, парламенты, истолкователи стихов, партии, розги, зануды, казармы, АЭС, слепые, методики, клятвопреступления и - похожие одна на другую приторно-занудные матрешки на Арбате.

И: обманывать, унижать, пинать, покупать бигмаками и "Плейбоями" будут меня, меня - а не Мировой Разум и не русскую нацию. И я могу всех спасти. И формальную логику зашкалит (потому, что она формальная, объективная). Отказавшись убивать комара, сидящего у меня на носу, и отвечать на уроке заученные истины, я могу стать слабым звеном в цепи объективности и расколдовать заколдованный круг, повернуть ход событий вспять. И моя голова, вопреки безупречным законам математики, прошибет бетонную стену, и мой голос нарушит гармонию общего праздника послушания. И я - больше не шестеренка в роскошной колеснице истории или просто в скрипящей телеге общей пьянки.

И тогда я - за все отвечаю и все могу. Потому что я есть. Потому что тогда я могу не иметь, а быть. И тогда свобода - это не осознанная необходимость, не очевидная объективность и не спасительная ступенька эскалатора, на которую можно вскочить и поехать, сказав "се ля ви!" и помахав себе рукой на прощание.

Абсолютная объективность, исключающая меня, как ненужную вещь, хочет вынести меня за скобки. А не вынести ли мне за скобки ее - эту объективность со всей ее непреложностью и очевидностью, если эта объективность заставляет смотреть мальчика пустыми глазами на скучный мир?

Я - это я. И я это боль. И я один. И я абсолютно субъективен.

И мне наплевать на то, что несправедливость, существующая в мире - несправедливость космическая и объективная. И мне наплевать на то, что боль, разрывающая сейчас мою грудь, возникла в начале времени и продлится до скончания века. И мне наплевать на все передовые нации и отсталые классы, на все исторические закономерности и принятые условности, на все государственные интересы и математические расчеты. И мне наплевать даже на старшину Лаева и грядущее родительское собрание. Я неуязвим для них. Я свободен. Я есть. Я это я. И я в ответе за все.

И я строю свои замки на песке. И я снова требую невозможного.

Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ

Подлинная листовка хабаровских анархистов.

НЕ БУДЬ КОЗЛОМ, БОЙКОТИРУЙ ВЫБОРЫ!

Представительная демократия - игра для подонков и дураков. Те немногие игроки, которые выигрывают, - подонки. Остальные - дураки. Ты в этой игре не выиграешь. Ты хочешь быть дураком?

Почему не ты сам, а кто-то другой должен за тебя решать, как тебе жить? Почему это какие-то ельцины, шахраи и гайдары решают, будешь ли ты ходить после 23.00 по улицам или не будешь, пойдешь ли ты подыхать с автоматом в руках за их интересы где-то на краю света или нет, будешь ли ты сыт или голоден? Ладно бы, они захватили власть силой - и силой тебя принуждают. Там все ясно: ты знаешь - на силу есть ответ: сила. И ты делаешь вид, что согласен с ними, пока автомат у них, а не у тебя. Но тут-то, без насилия, без принуждения, какой чёрт отдавать кому-то власть над собой?

Подумай, как это может быть, чтобы один какой-то человек (депутат, президент, мэр, да кто угодно) мог выражать и защищать интересы сотен тысяч, миллионов человек? Он что, с ними со всеми телепатически общается? И как вообще возможно, чтобы интересы сотен тысяч людей, просто-напросто живущих на одной территории, могли так совпадать, чтобы их мог выражать один человек? Ну понятно, потребность есть и пить у всех одна, но дальше уже начинаются расхождения. Одни любят квас, другие - коньяк, одни - кашу, другие - устриц. А к тому же еще не все, кто любит коньяк и устриц, имеют на них деньги. А те, кто имеет деньги, не всегда согласны ими поделиться. А это ведь самая простая потребность - в пище.

Что, у себя дома тебе нужен президент и парламент, ты без них не знаешь, где у тебя ботинки стоят или как лампочку вкрутить? Что, для того, чтобы с соседом договориться, ты без мэра Лужкова не обойдешься? Ну хорошо, пусть соседи противные, пусть с ними долго договариваться, пусть все равно потом подеретесь, но уж точно это все можно без президента и парламента решить.

Что, ты не можешь работать или учиться без президента или парламента? Сам ты ни о чем договориться ни с кем не способен, такой уж ты козел от рождения?

Почему твою судьбу должны решать чужие дяди? Там, где ты живешь, работаешь, учишься - там свою судьбу должен решать ты сам. Президент и парламент, мэр и городская дума там не живут и не работают. Им из своих теплых кабинетов с плотно закрытыми дверями тебя не понять.

Они врут тебе, что другого пути нет. Есть. Есть самоуправление, демократия участия. Самоуправление для них - нож острый. Они же ничего не умеют, только бумажки перекладывать да взятки брать. Они же без бумажек и взяток умрут.

Вот живешь ты, а какой-нибудь твой сосед дядя Вася или дядя Петя убить тебя готов за один твой внешний вид. А на выборах и ты, и он будете голосовать за Ельцина (потому что Зюганов еще противнее). Подумай сам, может ли этот Ельцин (или кто-то еще) выражать и защищать твои интересы и одновременно интересы ненавидящего тебя дяди Васи или дяди Пети, которому дай автомат - и он тебя в решето превратит? И вообще, что этот Ельцин, или еще кто-то там наверху, о тебе знает? Ничего.

Ты нужен подонкам, играющим в игру "представительная демократия" для того, чтобы на твой "выбор" ссылаться: мол, мы не сами, нас "народ выбрал". Он за нас бумажку опустил. В урну. Мы теперь можем воровать вволю. Ничего нам не будет. А им и правда ничего не будет. Что, посадили Шумейко, Полторанина, Лужкова, Гавриила Попова? А сколько скандалов было, сколько шуму, разоблачений, сколько о них написано было! Выкрутились. На то она и "представительная демократия". Воровать будут они, а расплачиваться за все - ты.

Не бросай избирательный бюллетень в урну. В урну плюют и бросают окурки. Для этого она и придумана.

Решай свою судьбу сам. Не передоверяй никому. Думай своей головой. Надо защищать свои интересы - защищай сам. Мало сил - объединись с такими же, как ты сам. Своих ты уж как-нибудь разберешь. Но зажравшийся до того, что за жиром глаз не видно, Гайдар - уж точно не свой!

Не верь, что они - "специалисты". Эти "специалисты" за 7 лет развалили огромную страну, разрушили ее экономику, стравили людей в гражданских войнах, в которых погибло почти 500 тысяч, 2,5 миллиона человек ранено и 7 миллионов стало беженцами. Да даже если психам из дурдома дать 7 лет назад власть - они не смогли бы сделать хуже.

Теперь эти "специалисты" затеяли "выборы". Но сначала они расстреляли из танков своих политических противников. Ладно, и противники были не лучше их самих. Но дело в принципе. Сначала постреляют несогласных, а потом скажут: ладно уж, выбирайте нас, мы не против.

Они придумали избирательные законы для самих себя. С тобой что, советовались о том, по каким правилам ты будешь участвовать в выборах? Нет? - Так чего ты на них пойдешь? Они это сами для себя придумали - пусть они сами себя и "избирают". С тобой о сроках проведения выборов советовались? О числе депутатов в новом парламенте? О числе палат в нем? О сроках его работы? О его полномочиях? Нет? Так чего же ты, как козел, попрешься на эти выборы? Они всё решили без тебя. Ты нужен как ширма "законности". Перебьются. Как в центре Москвы пальбу устраивать и людей убивать - ты им не нужен был. А теперь ты, оказывается, должен прийти и подтвердить их полномочия - управляйте, мол, мною и дальше. Они там, наверху, еще не наигрались. Не всех перестреляли и не всю Москву еще сожгли.

Ты еще должен одобрить их конституцию. Ты ее разрабатывал? Нет? С тобой советовались, по каким основным законам тебе жить? Нет? - Так чего же ты пойдешь ее одобрять? Имей в виду, эта новая

конституция очень хитрая - парламент не имеет права в ней что-то менять. Какой бы бред не был там написан - это уже намертво. Давай-давай, или "одобряй" эту конституцию! Только не говори потом, когда тебе по этой конституции руки-ноги переломают, что это несправедливо. Справедливо. Сам одобрил - сам и расплачивайся. И еще имей в виду: исполнять законы заставят тебя. Власти на них плюют. На то они и власти. А ты, с их точки зрения - законопослушная скотина. Тебя, скотину, надо стричь и стричь.

Если ты не одобрил их конституцию - ты имеешь моральное право ее не соблюдать. Если ты не избирал эту власть - ты имеешь моральное право ее игнорировать. А если одобрил и избирал - уже все, не порыпаешься.

Им нужно, чтобы ты пришел на выборы и избрал их. Не одних, так других - неважно. Все они хороши. Все они мечтают о теплых креслах и больших взятках.

Пошли их всех в задницу! Решай свою судьбу сам и без них! Пусть твой мир будет независим от их кровавой и продажной власти!

Бойкотируй их выборы! Убеждай бойкотировать своих друзей и знакомых! Срывай предвыборную агитацию - кому бы она не принадлежала! Срывай даже объявления о том, где расположены предвыборные участки. Не будь козлом - не дай себя обмануть! Не успокаивай себя тем, что дураков много и выборы все равно состоятся - ты уже не дал себя одурачить, ты уже не захотел быть козлом, ты уже не участвуешь в этом. Помни: власти могут спать спокойно, только если козлами будут ВСЕ. Если же ты вышел из повиновения - ты уже победил! Если ты вывел с собой еще кого-то - ты победил вдвойне, втройне, стократ!

Так не будь козлом! Бойкотируй выборы!

Александр ТАРАСОВ

ВЫБОРЫ В МАКОНДО

Как-то раз незадолго до выборов коррехидор Макондо возвратился из своей очередной поездки, серьезно озабоченный политическим положением в стране. Либералы готовились развязать войну. Поскольку в ту пору Аурелиано имел весьма туманное представление о консерваторах и либералах, тесть простыми словами изложил ему, в чем состоит разница между этими партиями. Либералы, говорил он, - это масоны, скверные люди, они стоят за то, чтобы отправить священников на виселицу, ввести гражданский брак и развод, признать равенство прав законорожденных и незаконорожденных детей и, низложив верховное правительство, раздробить страну - объявить ее федерацией. В противоположность им консерваторы - это те, кто получил бразды правления непосредственно от самого господа бога, кто ратует за устойчивый общественный порядок и семейную мораль, защищает Христа, основы власти и не хочет допустить, чтобы страна была раскромсана. Из чувства человечности Аурелиано симпатизировал либералам во всем, что касалось прав незаконорожденных детей, но не мог понять, зачем нужно впадать в крайности и развязывать войну из-за чего-то такого, что нельзя потрогать руками. Ему показалось чрезмерным усердие тестя, затребовавшего на время выборов в лишенный всяких политических страстей городок шесть вооруженных винтовками солдат с сержантом во главе. Солдаты не только прибыли, но обошли все дома и конфисковали охотничьи ружья, мачете и даже кухонные ножи, а затем раздали мужчинам старше двадцати одного года голубые листки с именами кандидатов консерваторов и розовые - с именами кандидатов либералов. В субботу, накануне выборов, дон Аполинар Москоте лично огласил декрет, запрещавший, начиная с полуночи и в течение сорока восьми часов, торговать спиртными напитками и собираться группами числом более трех человек, если это не члены одной семьи. Выборы прошли спокойно. В воскресенье, в восемь часов утра, на площади была установлена деревянная урна под охраной шести солдат. Голосование было совершенно свободным, в чем Аурелиано мог убедиться сам - почти весь день он простоял рядом с тестем, следя, чтобы никто не проголосовал больше одного раза. В четыре часа дня барабанная дробь возвестила о конце голосования, и дон Аполинар Москоте опечатал урну ярлыком со своей подписью. Вечером, сидя за партией в домино с Аурелиано, он приказал сержанту сорвать ярлык и подсчитать голоса. Розовых бумажек было почти столько же, сколько голубых, но сержант оставил только десять розовых и пополнил недостачу голубыми. Потом урну опечатали новым ярлыком, а на следующий день чуть свет отвезли в главный город провинции.

"Либералы начнут войну", - сказал Аурелиано. Дон Аполинар даже не поднял взгляда от своих фишек. "Если ты думаешь, что из-за подмены бюллетеней, то нет, - возразил он. - Ведь немного розовых в урне осталось, чтобы они не смогли жаловаться". Аурелиано уяснил себе все невыгоды положения оппозиции. "Если бы я был либералом, - заметил он, - я бы начал войну из-за этой истории с бумажками". Тесть поглядел на него поверх очков.

- Ах, Аурелито, - сказал он, - если бы ты был либералом, ты бы не увидел, как меняют бумажки, будь ты хоть сто раз моим зятем.

Возмущение в городе вызвали не результаты выборов, а отказ солдат вернуть отобранные ножи и охотничьи ружья. Женщины попросили Аурелиано добиться через тестя возвращения хотя бы кухонных ножей. Дон Аполинар Москоте объяснил ему, под большим секретом, что солдаты увезли конфискованное оружие как вещественное доказательство подготовки либералов к войне.

Габриэль Гарсиа МАРКЕС,

"Сто лет одиночества"

Фирма "ВЫБОР РОССИИ"

**Предлагает желающим
все необходимые средства
для оздоровления экономики**

по методу доктора Гайдара

Пиявки	Отличные жирные экземпляры кровососущих в банках и киосках
Банки	Прилипают в любом месте, где подмазано
Кровопускание	Проводится для успокоения перед каждым очередным сеансом шоковой терапии
Промывание желудка	Завершающий этап шоковой диеты, окончательно вымывает нежелательные для правительства накопления
Промывание мозгов	Ежедневно за ваши деньги по всем каналам радио и ТВ

Ритуальные услуги – за отдельную плату

Подлинная листовка московского коммуниста

ОМОН

Лысюк выслушивает с интересом, где в тот момент находился я, откуда перебегал, за каким столбом лежал, и смеется:
- Ну тебе и повезло. Как же мы тебя не убили? Ребята из "Витязя„ не убили еще многих других благодаря профессионализму и выдержке, которая ни разу им не изменила.

("Известия", 9.10.93)

Теплыми октябрьскими вечерами они стояли у метро уже за час до объявленного времени, скромно стояли в стороне, на обочине людского потока, несущегося сквозь стеклянные двери - чем позже, тем быстрее движение, тем меньше автобусов подходит к остановке, тем чаще оглядываются на них, на группу высоких парней с автоматами, которые курят, лениво переговариваются, посматривают на часы, а труба уличного оркестра поет печальное соло мелодии "Битлз", проглатывая ноты, чтобы успеть, пока стрелки не подошли к роковой цифре и не наступил Час Охоты.

У этого племени есть свои анклавы, они находятся близ шумных улиц, но в подворотнях, чтобы не очень было видно и слышно, что там происходит. У этого племени свои обычаи, легенды, тотемы, язык. Есть своя зона охоты - вся Москва. Они всегда вооружены и опасны. Ночь напролет они будут искать любого из нас.

Они и раньше были здесь, уже очень давно, в зависимости от ситуации то более заметны, то менее. 4-го они не сильно бросались в глаза в общей массе запрудившего проспекты военного металла, среди танкистов, десантников и прочих защитников чести и достоинства Всенародноизбранного, напряженно оглядывавших крыши и верхние этажи, готовясь открыть огонь "на шевеление". Но уже днем 5-го их оказалось необычайно много. Торжествующее разнообразие пятнистых униформ на солнечном просторе Калининского (камуфляж то зеленый с коричневым,то черный с серым), лихость заломленных беретов, уверенная осанка, твердый шаг, автомат небрежно болтается на плече. Вот толпятся у "комков", не думаю, что платят за покупки (коммерсанты и не настаивают, горды своим умением договориться с любой властью), вот сидят на ступеньках, благодушно жмурятся, не забывая, впрочем, ощупывать взглядом прохожих мужчин на предмет подозрительных выпуклостей, женщин по схожей причине; ускорять шаг перед ними нельзя - подозрительно. Из отверстий служебного транспорта по-хозяйски осматривают столицу - многие впервые попали в Москву из своего Красноярска, Свердловска или Саратова. Вчера горячий был денек, а сегодня можно расслабиться. Экскурсия. Победители. Город оккупирован.

Им наконец-то позволили поиграть в Рэмбо, в Универсального солдата, в Терминатора. В масштабе всей столицы, и днем можно, что уж говорить о ночи. Они готовились, вживались в образ: английские надписи на куртках, расслабленные киношные позы, перманентная жвачка в могучих челюстях. Голос - громче, грубее, отрывистее, вот так: "РУКИ ЗА ГОЛОВУ! К СТЕНЕ, СУКА!" Взгляд тренированно-холодный, профессионально-пугающий. Оказавшись на острие такого взгляда, чувствуешь, как в голове под беретом происходит выбор вариантов поведения относительно тебя:

- ОСТАНОВИТЬ
- ПРОВЕРИТЬ ДОКУМЕНТЫ
- УДАРИТЬ
- ВЫСТРЕЛИТЬ

И ты знаешь, что очень слабо его решение зависит от президентов, парламентов, от любых законов. Закон всегда будет на его стороне. Закон - это нестрогие правила долгожданной игры, а играет он увлеченно и патроны у него всамделишные.

Они презирают всех нас. Они ведь настоящие мужчины, потому что с оружием, которое власть разрешила им применять. Хотя и власть они презирают, этих бумажных политиков, говорунов в дорогих костюмах, обожающих посветиться в телевизоре и на страницах газет. Им непонятны слова, которые иногда достигают их ушей: "конституция", "демократия", "права человека". Им чуждо желание боссов завести каких-то депутатов, каких-то журналистов. Они уверены: настоящая власть - у них. Власть - это когда человек у стены, а палец на курке, и в коротком движении пальца - жизнь и смерть, страдание и блаженство, все его права и вся его биография. Власть конкретна, как удар сапогом. Бывает тоньше: власть-страх, но основа та же. Такая власть есть у них, а к прочей они равнодушны. И потому не особо обращают внимание на схватки

вверху, если только не зовут их, а в принципе готовы служить любому, ведь стиль их работы неизменен.

Работу свою они обожают, как и свои игры. Бить людей - тоже нужное дело. Они с удовольствием посещают спортзал: накачанная сила не застоится, найдет применение. Дубинка - продолжение руки. Приятно наблюдать реальный и скорый результат собственных действий: удар - и он согнулся, удар еще - упал. Не видно у них скуки или лени, они сами такую работу выбрали.

А пули одинаково мягко входят и в коммунистов, и в демократов, кости сладко хрустят и у тех, и у других. И ни те, ни другие, ни рабочий класс, ни трудовое крестьянство, ни лица национальностей, ни даже лояльнейшая интеллигенция, советник вождей, не имеют права защищаться - за этим следят (впрочем, за последней зря - и сама не будет). А не дай бог попытка сопротивления - это приводит их в ярость. Из принципа. Что дозволено им, видите ли...

Иногда их жалко. Их профессионально жалеют пресса и ТВ, периодически предоставляя возможность публично попенять на быт, зарплату, низкую социальную защищенность, на то, что не все еще в достаточной степени их любят. После "штурма" Останкино один из них, честно глядя в камеру, сказал о единственном погибшем с их стороны: "Он был боец. Вся эта толпа не стоила его одного". Действительно, не стоила, особенно раненые, особенно безоружные, особенно женщины и дети. Они так потешно мечутся по освещенной площади, и можно из своего укрытия с третьего этажа спокойно, ну, может, не спокойно, а дрожа от праведного возмущения, но руки-то все равно не дрожат, этому учили, - целиться, выбирая или не очень выбирая, чья следующая жизнь не стоит жизни бойца.

Но все-таки они не монстры, не терминаторы. Они читают некоторые книги, держат дома канареек и собак, слушают музыку, Шевчука, например, и, оказавшись весной за городом, вдыхают полной грудью - хорошо-то как! Они способны любить, у них есть родители, подруги, жены, есть дети, которые, когда папы приходят с работы, бросаются к ним, радостно крича, а папы подхватывают их на руки, прижимают к себе, щекочут усами. Они дарят своим женщинам цветы, своим детям игрушки, празднуют свадьбы и дни рождения. Но мы почти не видим их семьи. Видим - раньше редко, а теперь чаще - когда на экранах ТВ жены, всхлипывая, вытирают слезы, а повзрослевшие дети сидят смирно, с каменными, неживыми лицами, глядя на их портреты в траурных рамках, на заваленные цветами государственные гробы.

Л. ШМИДТ

ЗАПРЫШАЕЦА

Повезло городу Санкт-Петербургу с мэром. Вот уж повезло, так повезло. Очень заботливый мэр, уважаемый Анатолий Александрович Собчак!

Вот недавно, например, издал указ или распоряжение, или как это у них называется... Бумагу, короче, написал. ЗАПРЫШАЕЦА. Гражданским лицам носить одежду, похожую на форму служащих силовых министерств. Очень своевременная бумага. Нет, ну действительно трудно стало отличать. А чем дальше, тем труднее. Сами понимаете.

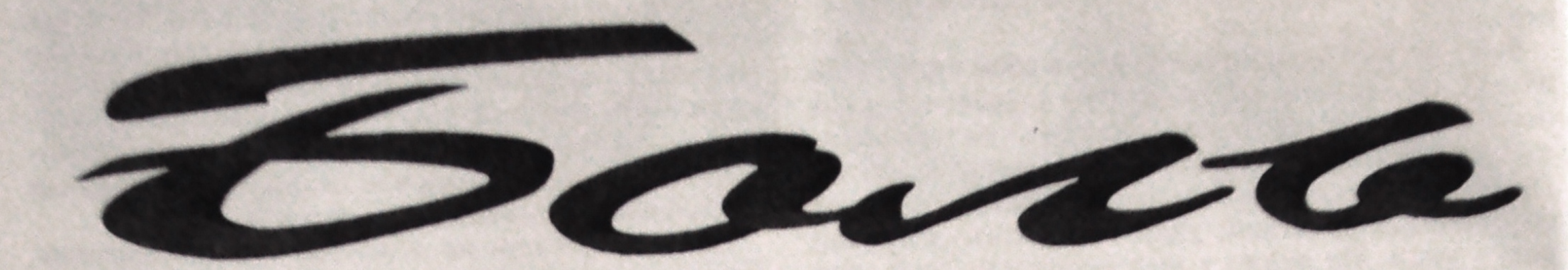
Бывало, рявкнут тебе: "Лицом к стене!", по ребрам прикладом врежут, из карманов все выгребут, а ты так и не узнаешь, служащий ли это силовых министерств или, я извиняюсь, сами понимаете кто. Да-а... Зато теперь в городе Санкт-Петербурге (спасибо Анатолию Александровичу) служащих этих самых от бандитов отличить можно на раз. Он тебе р-раз в челюсть, а ты смотри, в чем он, в гражданском или в форме.

А если в форме?

Ну, так значит при исполнении! Охраняет порядок, законность, а также тебя, меня и Анатолия Александровича.

А.К.

Четвертого вечером я попал в перестрелку в каком-то дворе между Смоленкой и Калининским. Пятого утром в том же дворе местный житель рассказал мне, как умирал на чердаке его дома раненый снайпер. Девятого я написал этот рассказ.

Миллион лет назад горячий вихрь отшвырнул его от чердачного окна и бросил на пыльный бетон пола. Карабин, отлетевший в сторону, наверное, сгнил, проржавев насквозь, распался на молекулы, но еще существовал где-то далеко в кобуре на поясе пистолет Макарова, и о нем он мечтал тысячелетиями, с тех пор как понял, что жив.

Сначала ему везло - боль, когтистое чудовище, впившееся в него кусками свинца, отдалялась, глохла, он плавно уходил и даже позволил себе улыбнуться, не ощущая, впрочем, губ, не ощущая ничего, кроме вкуса собственной крови. Улыбался; ведь боль вот-вот станет бесплотной абстракцией, как уродливая рыба юрских морей, а он уснет, ускользнет за черту и узнает наконец, есть ли там боги, а если один бог, то чей - но вдруг что-то случилось, и он вернулся.

Он обнаружил, что у него сохранилось тело - безрадостное открытие. Тело оказалось чужим, оно было навязано ему, как орудие пытки, как приставленный к спине раскаленный утюг, и внутри вольготно разгуливал его палач Боль. Стало так обидно, что слезы хлынули из глаз - значит, сохранились и глаза. Глазами он увидел часть окружающего мира, то есть скат крыши, весь в рваных отверстиях от очереди крупного калибра. В дырах и в окне тускло светило небо.

Позже, прошло всего-то несколько веков, прошумел десяток войн, разрушивших цветные города и воздвигнувших поверх развалин невесомую бледно-зеленую империю - а на трон в императорском дворце с готовностью вскочил палач - выяснилось, что ему оставлен и голос. Не его. Голос зверя, в отчаянии и муке которого могли утонуть все материки этой планеты. Так и случилось, и черные стены цунами встали над пальмовыми рощами, а зверь завыл:

- БОЛЬНО МНЕ! БОЛЬНО! ОО-О-О!!

Пришел огненный человек, осветивший чердак слабым багровым сиянием. Огнедышащая голова склонилась над ним, обжигая кожу, превращаясь в лицо толстяка с отвислыми бульдожьими щеками. Толстяк говорил что-то злорадное, слюняво ухмыляясь, а превращения продолжались, образуя из огненной фигуры другие кошмарные видения, но все это оказалось уже совсем неважно, настолько захлестнуло его невыносимое сознание бессилия и обреченности.

- БОЛЬНО, БОЛЬНО! КАК БОЛЬНО МНЕ!

Войны, революции, моры и катастрофы носились над мирами, но тщетно просила смерти опустевшая земля. Извергались, набухая, вулканы и лишь один, огромный, шесть тысяч метров, никак не мог взорваться, а на вулкан была вся надежда, потому что в этом взрыве исчезнет все, и палач тоже.

Из метаний в хаосе народов и государств он вдруг выскочил на знакомый чердак и удивился тому, что небо осталось прежним - значит, продолжается все тот же жуткий понедельник, а может, следующий? Из тела вытекала кровь. Он почувствовал или представил, что лежит в луже крови, а кровь теплая, как море. Он, маленький мальчик, входит из холодных комнат, из раннего зимнего вечера в теплую светлую ванную (зеркало запотело), раздевается и в воду - плюх! Брызги падали на кафельный пол. Мама вытирала лужи, строго объясняя:

- Не смей так делать.

- Почему?

- Тетя снизу придет. У нее потолок промокнет, она станет тебя ругать, понял?

- БОЛЬНО, БОЛЬНО!!! - кричал и выл зверь, а голос в глубине мозга отстраненно рассуждал: интересно, просочится кровь сквозь перекрытия, дом ведь сталинский, не блочная пятиэтажка... но старый он уже, наверное, просочится. Недолго это получалось, блаженное раздвоение было вновь пре-

рвано ударом плети. Он пытался бороться с палачом единственным доступным способом - достать пистолет. Показалось, что сможет пошевелить пальцами, но бдительный палач тут же принялся крошить кости мятежной руки стальными клещами.

- ОО-О-О! Господи, господи... черт, дьявол, сатана, ну кто-нибудь! Юля, Юленька... комбат, Игорек, Алеша, помогите, помогите кто-нибудь, ну пожалуйста, - то орал он, то молил шепотом. Очень тихо становилось на чердаке, если ему удавалось замолчать. Только с улицы долетал сюда рев двигателей военных машин и издалека - прерывистые звуки перестрелки. Один раз он услышал хлопанье крыльев и возню на крыше, обрадовался - наконец-то ангел - но это был всего лишь жирный фиолетовый голубь, и тогда он окончательно решил, что бога нет и его снова обманули.

Раньше или позже - понятие времени постепенно теряло для него всякий смысл, как и любые другие понятия, кроме пистолета Макарова - перед глазами встало лето, зной, бревенчатая стена садового домика, стол в тени стены, на столе, кажется, обед, изображение плавало в жарком воздухе, разглядеть трудно. Мама сидела возле стола и пристально смотрела перед собой, сложив на коленях загорелые руки.

- Мама, - попросил он, - мам, помоги... тугой замок, но ты справишься... и там такой рычажок есть, сдвинь его... и отдай мне, хорошо?

Мама не отвечала. Он понял уже, что ничего не выйдет, но заговорил торопливо, стараясь ухватить ускользающее спасение:

- Мама, мам, только дай мне его, не знаю, есть ли у меня руки, ну уж одна-то точно есть, дай его, дальше я сам, скорее, скорее... МАМА!

На него обрушилась месть палача. Его терзали долго - в наказание за попытку побега. Охрипнув от крика, он бился о прутья своей тюрьмы, и внезапно проскочил наружу, и, не задерживаясь в камере пыток, свалился сквозь пол. Под ним, в тесной квартирке с выбитыми пулями стеклами, среди грузных шкафов и комодов, хранилища разрозненных остатков сервиза с вензелями РККА, жила старушка Мария Сергеевна. Он увидел, что его кровь розовой сыростью проступает на потрескавшемся кухонном потолке, и услышал голос зверя:

- БОЛЬНО, БОЛЬНО, БОЛЬНО МНЕ!!!

Увидел, как перепуганная Мария Сергеевна разговаривает на лестнице с соседом-бухгалтером и как тот, натянув поверх тренировочных штанов брюки, опасливо начинает спускаться. В этот момент его, уже совсем было отделившегося от орущего зверя на пыточном одре, опять нащупали жестокие пальцы палача. Он, однако, получил новую надежду: на спасительную поступь тяжелых ботинок спецназа, на свежее прикосновение прохладного ствола, на радость последнего мгновения, которое они называют контрольным выстрелом. Но столетие за столетием летели над ним, время возводило и разрушало замки, союзы и содружества, а он оставался один. Наедине с палачом.

Спецназ на бульваре, шурша опавшими листьями, дружески потыкав бухгалтеру в живот дулом автомата, охлопав его карманы, не прекращая жевать резинку, не вынимая из зубов дорогой сигареты, снисходительно выслушал суть прошения и отрезал:

- Пусть милиция разбирается.

Телефон отделения милиции не отвечал. “Скорая” переспросила: “Это где?” И после паузы: “Постараемся что-нибудь сделать”.

Вновь текли столетия, эпохи, эоны, то погружая дом в океанскую пучину, наполняя чердак диковинными обитателями соленой воды, то вздымая эту надстройку земной коры выше Эвереста, загромождая пространство скользкими гранями ледников под лиловым бескислородным небом с метеорами, проворно шмыгающими среди звезд (только однажды он вспомнил, что видит проем окна и, вероятно, красные трассеры). Палач карал за саму мысль о пистолете, но он разобрался, как можно сорваться с гигантских качелей, как уйти в путешествие без угрозы возвращения, и начал учиться этому - нелегко, но время у него было. Он догадывался, кто первым встретит его за чертой - офицер, которому смерть пришлась ниже края каски, выше бронежилета. Возможно, еще один омоновец. Он надеялся, что больше никто. Он надеялся, что эти люди на него уже не в обиде, потому что обиды там не имеют никакого смысла. Он учился путешествовать, и к утру у него начало получаться.

На рассвете трое милиционеров в неуклюжих бронежилетах поверх серых шинелей, в армейских касках, с автоматами на взводе, пыхтя и ругаясь, добрались до чердака и, попинав для порядка тело ногами, вызвали санитаров. Тело закинули на носилки и отнесли вниз, предварительно содрав ремень с кобурой, в которой лежал новенький пистолет Макарова. Обойма осталась целой.

Николай МУРАВИН

26 омоновцев (народная сказка)

Поймали как-то раз карельские партизаны 26 омоновцев, отобрали оружие, шлемы, бронежилеты, щиты и дубинки, и построили у длинной стены сельского клуба. А сами напротив стоят, мужики здоровые, бородатые, затворами трофейных автоматов щелкают. "Кранты нам", - смекнули омоновцы.

1-й омоновец пробовал молиться, да слов не знает.

2-й косил под Бельмондо: "Спрошу закурить, - думает, - а потом и скажу им: "Я еще не докурил свою последнюю сигарету!"

3-й стал кричать, что все расскажет, но никто его не слушает.

4-й омоновец обмочился, как 6-й и 17-й.

5-й был скрытый мусульманин и к проблеме относился философски.

Упал на колени 7-й омоновец и говорит человеческим голосом: "Пощадите, карельские партизаны, у меня дома дети малые!"

Омоновцы с 8-го по 11-й заплакали горючими слезами.

12-й вспомнил вдруг девчонку, которую он изнасиловал.

13-й тихо радовался: "Значит, пытать не будут".

14-й решил: "Приготовятся партизаны, а я заору, как Рэмбо, брошусь вперед и погибну героически".

15-й ломал однажды ребра парню какому-то, круто работал, старался очень, а тот ему: "И ты, фашист, до весны не доживешь!" Неужели прав был?

16-й и 18-й, не сговариваясь, как завоют: "Не смотрите, господа партизаны, что палачи мы кровавые да продажные, душою мы завсегда с вами были, и вам пригодимся еще!"

19-й представлял, как бы он этому партизану уши отрезал, а потом... ну, глаза бы выколол, и это еще не все.

20-й тоже партизан разглядывал, казни им выдумывал лютые, такие, что и в сказке не сказать.

21-й прытким оказался, прыг в сторону, да по зубам получил - притих.

Говорил 22-му омоновцу отец: "Ежели пошел в менты, так хоть в ОМОН не суйся, добром не кончишь!"

23-й старался считать ворон в небе.

У 24-го глюк: "Господи, - умоляет, - прости, не буду больше", а господь ласково так: "Ага, не будешь. Верно, товарищ Люцифер?"

25-й партизана просит: "Ты, дед, точнее целься, а промажешь - добей, сделай милость, я ведь ваших добивал, не мучал сверх меры".

У 26-го омоновца и язык отнялся, и ноги не слушаются, и рукой не шевельнуть - словно одеревенел весь.

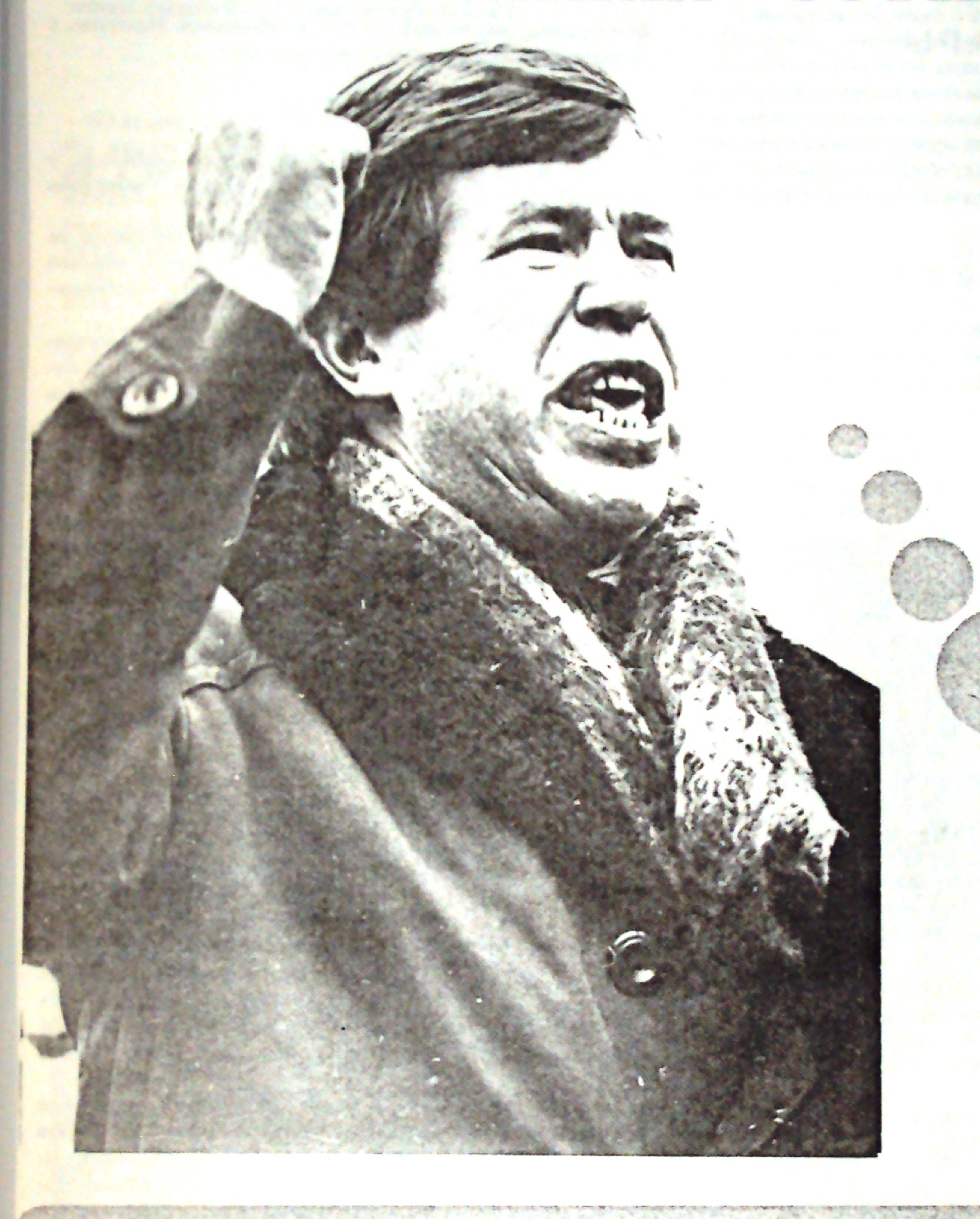
Приходит тут Главный Партизан, тоже с бородой, в очках только, и говорит: "Вы, господа омоновцы, вовсе нам не товарищи, однако извините, что на морозе вас держали - ключ от клуба найти не могли, да вот нашли уже. Сейчас вам лекцию прочту про Махно, про Сартра, про генерала Айдида и про задачи всякого сознательного землянина в протекающей народной революции". Вошли омоновцы в клуб, прослушали лекцию, а после отпустили их партизаны на все четыре стороны.

Такой вот у сказки конец.
А вы думали, какой будет?

Партизаны

Партизаны носили повседневную крестьянскую одежду: кафтаны, полушубки, рубахи, лапти. Вооружались они оружием, отнятым у неприятеля, а также топорами, ножами, вилами, косами и просто кольями. Но было оружие, которое партизаны делали во время войны сами: "охряпники", "ошарашники", "пыряла с зубом". Их названия говорят сами за себя.

О ПОЛЬЗЕ ВРЕДА ТЕЛЕКОМПАНИИ "ОСТАНКИНО"

Люди, леди и джентльмены!

Представьте себе такой прискорбный факт (я не оговорился, прискорбный факт), как полное прекращение вещания нашего родного TV в результате штурма Останкино. Я полагаю, что это событие было бы выгодно нашему родному государству по множеству причин. Берусь доказать.

Что делают среднестатистические граждане нашей страны долгими осенними, а также зимними и т.д. вечерами? Смотрят телевизор или пьют водку. Если телевидение не работает, то что остается делать? Правильно, пить.

Торговля алкоголем, как известно - одна из основных статей государственного дохода. Выгода налицо.

Второе. Ловить пьяного человека патрулю в комендантский час намного легче, чем трезвого; преступления на почве пьянства раскрываются почти без труда. И вот доблестные милиционеры уже начинают заметно покрываться жирком без всяких прибавок к зарплате.

Третье. Вы ходили на митинги с похмела? Не советую. А драться с ОМОНом, когда голова болит и ноги не ходят - это развлекаловка для садомазохистов. И вот на улицах тихо и спокойно, всем хорошо, все довольны. Аспирин раскупается тоннами.

Если все это вас еще не убедило, то продолжим.

Телевидение - одно из самых быстродействующих средств массовой информации. Кроме того, распознать фальшивку в TV-репортаже намного легче, чем в газетной статье или радиопередаче.

Итак, телевидение не работает. Разгоняем всю оппозицию, на радиостанции даем официальную версию события, а газеты чисто по техническим причинам смогут прокомментировать случившееся только через 2-3 дня.

Всех разогнали, но никто ничего не заметил.

Дальше. Профессия тележурналиста сейчас одна из самых опасных. Значит, можно сберечь профессионалов для использования на том же самом радио. И те же самые журналистские организации больше не требуют защищать права человека с камерой.

Коммунисты больше не требуют предоставлять им эфир на халяву. И так, конечно, никто бы не дал, а теперь просто предоставлять нечего. Пусть делают, если хотят, свою радиостанцию. Ее никто не зарегистрирует, естественно, но политический плюрализм живет и процветает.

Теперь мы застрахованы от всех сенсаций и разоблачений. Невзоровы переведутся. На фиг нужен Невзоров без камеры?

Незачем тратить народные деньги на покупку всяких "Вторых мам", "Просто Марий" и прочих Walt Disney Present. В стране спешно открываются кинотеатры и продаются видаки.

Экономия электроэнергии. Сколько часов в сутки у вас работает "ящик"? То-то же.

Итак, если вы хотите жить в демократической, богатой и культурно развитой стране, прислушайтесь к призывам товарища Анпилова и взорвите к чертовой бабушке Останкинскую телебашню. Хотя, конечно, все равно не поможет.

ЗОНА
(Провинциально-апокалиптические заметки)

КОМАРЫ

Комары в этом городе были какие-то ненормальные: вялые, полудохлые, чуть двигающиеся в мутном воздухе. Садясь нам на лица и руки, они не могли даже прокусить кожу и издыхали без посторонней помощи. Сперва, увидев этих комаров, мы обрадовались и удивились, но очень скоро поняли, отчего они такие странные.

НАДПИСИ

На стекле книжного магазина на улице Ленина надпись: "Советские книги - пропагандисты мира. Поколение за поколением они воспитывают советских людей - людей с читсой совестью".

В булочной на улице Мира, которая плавно переходит в Проспект Победы, объявление: "Над булочной осуществляет шефство мартеновский цех металлургического комбината". И рядом с булочной - уже ставшие привычными в столице, а здесь все еще глашатаи нового, неведомого мира - ларьки со "сникерсами" и "марсами". Ростки недоразвитого капитализма вперемежку с развитым социализмом.

И наконец, огромный плакат над городским рынком: "15 июля в храме состоится торжественное богослужение по случаю духовного возрождения нашего города".

ДЕТИ

В первые же дни двое этих мальцов прибились к нашему экологическому лагерю протеста и жили у нас: спали в наших палатках, ели из наших котелков, грелись у нашего костра. Одному одиннадцать лет, другому - двенадцать. Они - бездомные, живут на территории металлургического комбината, питаются когда и чем придется. Дети родителей-алкоголиков, которые избивали их и выгнали из дому. Двое маленьких звереньшей, с насквозь прокуренными легкими, ворующие у нас сигареты и куски хлеба, вечно подстраивающие нам не шалости - гадости, разговаривающие только матом. На них нельзя не орать, но и прогнать их - тоже нельзя. Таких, как они, на комбинате живут десятки. Но для Власти их не существует...

Когда мэр города Позгалев приходил к нам в лагерь, он спросил у меня:

- Это ваши дети?

- Это бездомные, - отвечал я. Мэр подумал и твердо, внушительно произнес:

- В МОЕМ ГОРОДЕ НЕТ БЕЗДОМНЫХ ДЕТЕЙ.

КОСТЕР

На лужайке прямо напротив заводоуправления ЧерМК под черным флагом с кошкой расположились наши палатки. Плакаты: "Люди гибнут за металл", "Не стой в стороне!", "Череповец - не Чернобыль! Пока что...", "Городу - чистый воздух!"... Костер, гитара.

...Дым на небе, дым на земле,

Вместо людей - машины... - поет Леся, девочка из нашего экологического лагеря.

У костра гости: шоферы-дальнобойщики, местные хиппи, пьяненький рабочий. Рабочий неторопливо рассказывает:

- Когда летом мы посылаем детей из города в пионерский лагерь, - первую неделю их "ломает" как токсикоманов, у них болят головы, иногда дело доходит до обмороков. Наверное, с непривычки к нормальному свежему воздуху.

ЦИФРЫ

Где бы и с кем бы мы ни говорили: в цехах комбината, у проходной, у рынка в пикетах, в лагере с гостями, - везде речь шла об одном - о трупах.

- И дня не проходит в нашем цехе, чтобы кого-нибудь не хоронили, - сказал нам паренек по имени Артем, молодой рабочий с ЧерМК, поселившийся в нашем лагере и участвовавший в акциях...

Цифры, простые цифры - что за вами? По детской смертности Череповец - первый город в России, средняя продолжительность жизни - 59 лет, трубы металлургического комбината извергают более двухсот (!) ядовитых веществ, используемых военными на Западе как поражающие боевые средства. А ля гер, ком а ля гер! Что же это за война, против кого она? Воюют - хозяева Череповецкого металлургического против жителей собственного города, заложников комбината: комбината-кормильца и комбината-убийцы. Добрая мэрия за год переселяет в другие районы города жителей одного-двух домов около комбината и - устраивает в этих домах общежития: селит безответных студентов и еще более безответных китайцев - экспортируемую сотнями рабскую силу для ЧерМК.

Комбинат пожирает этих людей как сырье, топливо, и выбрасывает - шлак...

ЛЮДИ

Вот они стоят передо мной, эти двое моих ровесников, выглядящих пятидесятилетними стариками. Наташа и Борис - паралитики с детства: спасибо комбинату. Наташа едва ходит, у Бориса плетью висит парализованная рука. На работу их никуда не берут - получают же они свои десять тысяч по инвалидности от доброго Государства. У него еще и эпилепсия, а у нее - астма. И когда ночью отключают даже существующие очистные сооружения (жалкие суррогаты!), чтобы увеличить производительность, - у Наташи начинаются астматические приступы, и Борис вызывает "Скорую". Что мне сказать этим людям?

Что мне сказать старому мужчине, который подошел ко мне на пикете у рынка и тихо произнес, безнадежно покачивая седой головой: "Уезжайте - ничего не выйдет. Сходите на новое, недавно открытое кладбище - посмотрите, сколько там свежих могил! Уезжайте. Все равно мы все скоро подохнем. Мы боимся, мы ничего не можем. Неужели что-то сможете вы? Если бы был здесь кооператив, в котором безболезненно умерщвляли, я бы немедленно пошел туда".

Что мне сказать ему?! Призвать к социально-экологической революции и к самоорганизации? Вновь и вновь повторять сорванным на пикете голосом, что коль скоро им, жителям обреченного города, НЕЧЕГО терять, то не лучше ли хоть на миг ощутить себя людьми, а не травимым скотом? Не знаю. Но я не смог сказать этого ему. Слова застряли в горле.

ФИЛЬТРЫ

Несколько лет назад вездесущие и расчетливые японцы предложили дирекции ЧерМК бесплатно поставить на трубы очистные фильтры. Радикально экологию бы это не улучшило (устаревшие технологии комбината не залатать ничем - из

каждой дыры дым валит), но все же... За эти фильтры японцы просили только одно: чтобы ту гадость, которая на них оседает, отдавали им, а уж они найдут ей какое-то полезное применение - у японцев ничего не пропадет.

Но администрация не приняла этого предложения. Наверное, решила: все, что выбрасывает в атмосферу комбинат, должно в полном объеме доставаться нам, советским людям (теперь сказали бы - "уважаемым россиянам").

СТАТИСТИКА

Недавно на комбинате замеряли уровень шума. По цехам шла комиссия с акустическими приборами, а впереди бежал мастер - он вбегал в цех и приказывал отключить станки. Приходила комиссия, замеряла шум, уходила, - станки вновь начинали работать.

Во всем Череповце нет ни одного (!) профпатолога, а значит - нет и профзаболеваний.

Почти по всем параметрам выбросы ЧерМК во много раз превосходят ПДК (предельно допустимые концентрации), а показатели по заболеваниям намного выше среднероссийских.

- Зато вот по онкологическим болезням в Череповце все нормально, - только что и нашлись сказать "хорошего"власти города.

- Да просто у вас в городе даже раковые клетки не выживают! - коротко бросила им в лицо одна из участниц нашего лагеря.

До перестройки значительную часть работников ЧерМК составляли рабы-китайцы, зэки (выбор: на урановые рудники или - сюда) и молодые энтузиасты с комсомольскими путевками...

...Мы на пятой домне - крупнейшей в Европе, открытой к XXVII съезду партии. Недавно здесь погиб 27-летний парень - надышался фенольной воды, в 60 раз превышавшей допустимый уровень концентрации вредных веществ. Его жена-вдова, оставшаяся с двумя младенцами на руках, хотела поднять шум, но дело тихо спустили на тормозах - ей дали вместо комнаты в общаге нормальную квартиру. Откупились.

В древности такой выкуп за убитого назывался "ВИРА".

ЗОНА

В первый же вечер по приезде в Череповец мы пошли посмотреть на промзону. И заблудились. Громады ржавеющего металла и тьма ночи проглотили нас. Километр за километром двигались мы по абсолютно безлюдной пром-Зоне, а выхода все не было. Исполинские колоссы начала 50-х годов высились вокруг, лязгая металлическими челюстями и вздымая к небу огромные факелы огней, выбрасывая клубы серого и рыжего дыма и россыпи металлической стружки. В цехах не видно ни

человека - только угрожающий рокот, да потоки пламени - это льется чугун. Глядя на это адское величие, абсолютно бездушное, бесчеловечное и громадное, цепенеешь от ужаса и отчаяния. Каким динамитом, какими жертвами, слезами, голодовками, криками взорвать этот Молох, прошибить холод этой Зоны?

Все время пребывания в Череповце меня не покидало это смешанное двойственное чувство: крутой реализм вперемежку с выразительным символизмом. И люди, и трубы, и жалкая, гибнущая природа с зелеными, обугленными по краям листьями - все донельзя реальное, можно рукой потрогать, - и какое же символическое!

Ленин, помнится, сказал в начале века: "Вся Россия - палата номер шесть". Новые времена, новые символы... "ЗОНА" - какое емкое слово, вмещающее в себя все: от подвалов Лубянки и вышек Колымы до этих бездушных храмов индустриализма в Череповце.

МЫ

Мы не победили. Мы вернулись по домам, а Зона осталась на месте. Ни переноса комбината за черту города, ни новых, экологически чистых технологий производства металла в этом году не будет. Но все же...

Но ведь испугался же всесильный местный царь и бог, директор ЧерМК господин Липухин, когда семеро приперших-ся в его кабинет мальчишек и девчонок - анархоэкологов - отказались уйти и - о, неслыханная дерзость! - завязав дверь крепкой веревкой, отказались выпустить Его, пока он не выслушает их и не выскажет свою позицию. Но ведь не смогли же местные власти согнать с трубы мартена Кирюшу Привезенцева, объявившего там сухую голодовку, - как ни бил его дубинкой ОМОНовец на высоте сорок метров - на качающейся, шаткой железяке - ярусе трубы. Но ведь написала же в газету какая-то неизвестная нам женщина, мать маленького ребенка: "В следующий раз на трубах я буду вместе с ними"...

Мы не победили. Зона пока держится. Но мы вернемся - нас будет больше. И с нами будет та женщина.

ДОЖДЬ

На третий день заморосил дождик.

- Осторожно, сказал мне товарищ.

Я не понял сперва, а потом почувствовал: на руках, на лице, на языке - не освежающая влага, а - будто слабый раствор кислоты, щиплющий кожу.

Это значит - ветер с комбината.

Петр РЯБОВ

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Инициативная группа "Череповец-94" извещает, что летом 1994 г. состоится очередной экологический лагерь протеста, целью которого является решение проблемы Череповецкого металлургического комбината.

НАШ МЕТОД - ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ!

Связаться с нами можно по адресам:

109518, Москва, Саратовская ул., д. 3, корп. 2, кв. 46, тел. 173-69-27, Кирилл Привезенцев;

125475, Москва, ул. Дыбенко, д. 38, кв. 36, Петр Рябов.

СЛЕПУХА

ПОСВЯЩАЕТСЯ АНАРХИСТАМ И РАДИКАЛЬНЫМ ЗЕЛЕНЫМ

Она перебирает старые фотографии и вспоминает... Что-то щемящее подкатывается к горлу. Лица проходят перед глазами. Она узнает всех и не узнает никого.

Вот мы стоим на фоне только что закрытого цеха. Лица счастливые. Она - совсем еще девчонка. Волосы развеваются, черное знамя на перевес, в зубах папироса (она затягивается "Кэмэлом"). Вот другая акция. Стоим.

Разговариваем с Ними.

Это опять Они: выходят из автобуса, лица самодовольные, сейчас начнут винтить лагерь. (На обороте читаем: "Жигулевск. Спасение горы Могутовой. Июль 1993").

Да, были мы и они, а они привыкли быть Ими. Они были хозяевами и им было наплевать на своих детей, город, страну, да на весь мир, который они вовсе не собирались оставлять детям. Они предпочли откупиться жвачкой,

шмотками,

тачками,

да просто бабками.

(память оживляет пожелтевшие листки)

- Да что вы? Какой национальный парк? Кому он нужен? А отдыхать мы на юг ездим.

Уходите, не мешайте работать!

Да эту гору уже сорок лет взрывают, щебень из нее идет на строительство дорог,

домов,

электростанций.

Мы вас кормим, мы, рабочий класс!

Наше предприятие, товарищи, - частное акционерное общество, на таких держится возрождающаяся российская экономика, а эти, с позволения сказать, господа (ведь они нам не товарищи), известно по чьей указке действуют... им по тыще рублей в час ЦРУ платит. У них ведь даже плакат "STOP" на английском языке написан,

на котором только

негры говорят.

(память цепляется за подробности)

Директор карьероуправления - хозяин в городе, расположенном вокруг горы, за счет которой они живут.

... Мужики, я с вами в душе...

... но у вас ничего не выйдет...

... сорок лет...

... все все понимают, но привыкли...

... против начальства...

... никто не пойдет...

... вы уедете,

а мы

останемся

с ними...

И были Мы (она вспоминает, перебирая фотографии и закуривая новую сигарету).

Мы приходим подышать свободой

среди труб, извергающих яды,

среди едкой карьерной пыли,

среди душных стен ментуры.

Мы не планировались создателями механизма и он начинал давать сбой.

Мы их унижаем тем, что заставляем играть по своим правилам законности. Они не знают, что с нами делать.

Менты в Жигулевске держали нейтралитет, рука руку моет.

Что ж, они сформировали рабочие отряды для борьбы с нами. Лагерь в опасной зоне. Постоянные попытки прорваться к эпицентру взрыва. (Сейчас она вспоминает) Двое наших прорвались сквозь цепи после сигнала для взрыва. За нами долго гонялись на автобусе по серпантину карьерной дороги (повороты давали возможность маневра). Вот нам наперерез выскочила часть оцепления с дубьем наперевес, вот нас запихивают в автобус... (еще фотография)

Это уже "Запорожье, 1991", где она с ним познакомилась, где он, Игорь Слепуха, сидел с ней на трубе коксохимического комбината, приковав себя наручниками к лестнице на семидесятиметровой высоте. Там нам удалось закрыть два цеха...

Теперь снова Жигулевск (веселое лицо). Он играет регги на одолженой гитаре: его гитару Они разбили при первом же винте,

(еще)

сегодня у него день рождения,

а всего несколько дней назад нас с ним избили, когда мы пытались блокировать буровую установку...

Мы на вышке, а они пытаются нас сбросить на камни. Нет, мы больше не давали никого повинтить и стали отбивать своих...

Борьба с рабочими...

Они разные. Первый раз им не выдавали аванс, пока не проведут взрыв. Во второй раз половина из них не пришла.

Зато остались именно

те,

к которым,

как ни старайся, жалости не испытаешь...

(она вспоминает)

А это снова. (Он с трудом сдерживает себя, чтобы не ударить первым.) Вот он уже на другой акции. (Что это? На обороте: Красноярск, август 1996.) И это Он, это уже "Липецк, 1992". Там мы не дали построить шведский завод (Он организовал захват кабинета главы областной администрации и замену трехцветного флага на крыше облисполкома черным...)

... Он так и не был с ней постоянно, а она не могла ездить с ним (да и он не хотел). Он появлялся иногда и говорил многозначительно :

кто-то из наших

(пауза),

я не знаю кто

(с нажимом)

взорвал всю технику на лесозаготовке (улыбается), она закуривает...

Он пропал... Появились новые люди... Слухи... (Она вспоминает) Всплывают его слова о бессмысленности переговоров.

Они и мы знаем, кто что хочет: они хотят быть хозяевами, мы не хотим быть рабами. На их стороне закон, на нашей - правда. Так зачем же с ними церемониться...

... Его труп нашли, когда дочери уже было два месяца (Они говорили: допился)...

... Мы существуем, говорил он, закусывая луковицей, чтобы встать между мишенью и прицелом, чтобы забить их стволы, по возможности, их же говном. Но если это не помогает, приходится забивать собой...

Она надломилась, обрубила все, забилась в угол... Вырастить дочь честной... Ей нельзя повторять ошибки матери... Папа нас бросил... Фотографии потеряла при переезде в девяносто девятом. Она уже сама в это поверила и тут вдруг... Откуда взялись эти фотографии?

Ее прервал звонок.

Дочь вернулась из санатория... не одна... да, семнадцать лет, слава Богу...

Мать, знакомься (возбуждение

радость

усталость),

Это - Игорь Слепуха...

(На нее смотрит Его лицо) ... Слушай...

... Мы заставили их слушать нас...

... Мы им не дали построить...

... Мы победили...

... Как, то есть, кто?..

Мы, "Хранители радуги".

Любомир СЕРДОБОЛЬНЫЙ

КОММУНИСТ

РАССКАЗ

Смысл в том, что я - художник, и мое творчество всегда имело отношение к левым идеям. Свобода... Равенство... Ну, я был, попросту говоря, экстремист и мне хотелось читать Ленина, Мао, чтобы питать свой экстремизм чужими теоретическими разработками. Это естественно для молодого человека - перенимать чужие идеи.

В школе я слыл антисоветски настроенным. Ну, ухмылялся на уроках общесвтоведения, задавал разные вопросы... Я не боялся за свою характеристику и мне нравилось казаться умнее других. В итоге характеристику я получил весьма неудовлетворительную, а комсомольцем так и не стал. Даже в армии меня не приняли в комсомол, несмотря на мои неоднократные попытки.

Итак, я был эдаким юным диссидентом, однако в последние годы, когда режим ослаб, его перестали бояться и, значит, уважать; когда он уже стал смешон и ругать коммунизм стало общим правилом, я, вдруг, открыл его, то есть коммунизм, для себя. Я почувствовал себя человеком социализма. Перестройку я не принимал. Все в ней казалось мне фальшивым.

Однажды на день рождения мне подарили цитатник Мао Цзе-дуна на русском языке. Я носил его в кармане и время от времени почитывал. Мао, Пол Пот в моем представлении были подлинными коммунистами. Они не искали компромиссов.

Как-то я поехал в Крым, там я вообразил себя партизаном: я гулял по горам и размышлял. В какой-то момент человек должен делом доказать приверженность идее, а поскольку делать я особенного ничего не мог, тем более в одиночку, я решил вступить в Коммунистическую партию (КПСС). Это был май 1991 года.

Вернувшись на работу (НИИТП - такой ящик), я нашел парторга, взял бланк и написал заявление с просьбой принять меня "кандидатом в члены КПСС". Я нашел двух рекомендателей, было назначено заседание парторганизации.

Так вот: это был май 91-го. На собрании было очень много людей, которых я считал оппортунистами, да и просто - люди без каких-либо убеждений. Многие из них поддерживали реформы и мне уже тогда было ясно, что они выйдут из партии, как только это станет возможно, ибо членство их пятнает их биографию. Короче, один из них спросил меня: "Что для вас Партия?" Я ответил, что мне близки идеи и я хотел бы поддержать партию именно сейчас, когда она несет большой урон. "А знаете ли вы, что в документах КПСС говорится об отношении к труду? А вы почему ничего не делаете на работе?" А я был инженер. Я ответил, что не усматриваю противоречия, что жизнь сложна, что не все нашли себя в труде, и я, например, совершил ошибку, окончив МАИ с дипломом инженера-механика.

Однако, мое объяснение сочли неудовлетворительным и общим открытым голосованием рекомендовали изменить свое отношение к труду. "А там - посмотрим".

Я немного разочаровался в КПСС. А тут ее и разогнали.

Но я по-прежнему коммунист. Несмотря даже на то, что сегодня это слово стало ругательным в языке моих сограждан.

Я знаю, в течение 20-го столетия коммунисты внесли много смуты в империалистическое болото.

Мне это нравится.

Когда я помру (сдохну, грубо говоря), я попрошу друзей - вернее раньше попрошу, завещание составлю - так вот, попрошу друзей выбить на могильной плите слова:

"ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ КОММУНИСТ"

И пусть все ссут, срут на нее, пусть валят камень периодически - мне будет весело лежать...

23 ноября 1993 года
Записано со слов Саши МАРГОРИНА

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ОТВЕТ,

но при этом не был Билли Грэмом

(К 104-й годовщине Н.И.Махно)

Представьте себе, почтенный читатель, что вы из нашего неспокойного, нестабильного, полуголодного и чреватого путчами времени перенеслись, скажем, в 1918-й год и оказались в котле начинающейся гражданской войны. Как водится, имеют место голод, разруха, бандитизм, борьба партий и клик за власть, а вдобавок - на ваш край поочередно наступают то немецкие кайзеровские войска, то большевики, то деникинцы, то врангелевцы, то вновь большевики. И с ними вместе: мародеры, реквизиции, комиссары и чрезвычайки, белые и красные продразверстки, щупальца всемогущих контрразведок, еврейские погромы и артиллерийские канонады, расстрелы инакомыслящих и разгромы газет, бегство за границу тех, кто может бежать... Что вы будете делать в этой ситуации? Призывать к чему-нибудь хорошему, вроде всеобщего братства и свободы, прекращения бойни и начала мирного труда - бесполезно. Тогда что остается? Ложиться на дно и ждать, когда все само собой "стабилизируется"? Или драпать за бугор? Или же создать, в противовес вражьим Драконам, своего собственного Дракона: со своими мародерами, продразверстками и прочим беспределом человека с ружьем? Вы сдаетесь, почтенный читатель? Говорите, что иных вариантов не видите? А между тем они б ы л и, как были и люди, пытавшиеся в аду гражданской войны не озвереть окончательно, сохранить человечность, максимальную степень свободы людей и обеспечить им сносное материальное существование. Среди этих людей - Нестор Иванович Махно.

Несмотря на все ухищрения советской казенной пропаганды, имя Нестора Махно сохранилось в памяти людей как имя одного из выдающихся вождей того народного движения, которое возникло в пламени Великой Российской Революции 1917-1921 годов. Вылилось оно в ряде могучих всплесков, среди которых западносибирское крестьянское восстание, героический Кронштадтский мятеж 1921 года, крестьянская война на тамбовщине во главе с Антоновым, ряд забастовок в Москве и Питере и задушенное большевиками в 1918 году движение фабзавкомов и заводских уполномоченных. Но, пожалуй, самой яркой, интересной, славной и трагической страницей этого народного, беспартийного движения была махновщина. За что выступали кронштадтцы и антоновцы, что пытались делать махновцы в те короткие промежутки времени, когда вражеские полчища откатывались, получив отпор? Они выступали как против белой, так и против красной диктатуры, за Советы, но без комиссародержавия, за раздачу крестьянам земли, но без продразверстки, за всеобщее вооружение народа, но без чрезвычаек - за те идеалы, которые первоначально были выдвинуты всеми революционными, социалистическими партиями и которые были этими партиями преданы и брошены в грязь в угоду своим узкопартийным интересам. Опыт махновщины показывает, что территориальная армия, основанная на вооружении населения, выборности командиров и сознательной, а не палочной дисциплине, куда эффективнее (в обороне, конечно, а не нападении!), чем регулярные, насильно сколоченные государственнические части. Сколько раз территория гуляй-полийского района занималась захватчиками, сколько раз белые и красные начальники рапортовали наверх, что с Махно покончено - но повстанцы вновь возрождались, выходили из лесов - и земля горела под ногами большевиков и белогвардейцев, ибо крестьяне-махновцы защищали свой край, свою землю, свою свободу. А батька Махно, одиннадцать раз раненый, множество раз преданный своими красными "союзниками", то награждавшими его орденом Боевого Красного Знамени, то расстреливавшими его штаб и подло уничтожавшими его конницу, раз-

Нестор Махно на тачанке. Рисунок итальянского художника-анархиста Флавио Костантини.

громившую в 1920 году Врангеля, батька Махно вновь уходил из западни и поднимал знамя восстания, черное знамя Анархии. И люди шли к Махно, ибо он боролся не за "диктатуру пролетариата" и не за реставрацию самодержавия, не за власть какой-либо партии или нации над другими, а за те вещи, которые тогда казались естественными людям, не замордованным (в отличии от нас) 70-летним рабским воспитанием: за землю и волю, за народное самоуправление, основанное на федерации беспартийных Советов. И что бы там ни врали советские писатели и кинорежиссеры, Махно не допускал на своей территории еврейских погромов, жестоко карал мародеров и, опираясь на основную массу крестьянства, был суров с помещиками и с кулаками-мироедами (знал ли он, что потом махновщина будет названа "движением кулацкой контрреволюции"?). Среди кошмара гражданской войны махновский район был едва ли не самым свободным местом: в нем разрешалась политическая агитация всех социалистических партий и групп, от большевиков и с.-р. до анархистов. Махновский район был и едва ли не самой "свободной экономической зоной", где существовали разные формы землепользования (разумеется, кроме помещичьего): и коммуны, и кооперативы, и частные трудовые крестьянские хозяйства. Никто не загонял в госхоз, в колхоз или, наоборот, в фермеры: живи, как тебе нравится. В условиях полной экономической неразберихи и государственной монополии на все - как у белых, так и у красных - махновцы пытались наладить прямой товарообмен с городами центра России: минуя кордоны заградительных отрядов, они посылали рабочим свои сельхозпродукты, а те, в свою очередь, расплачивались промтоварами.

Свободный гуляй-польский район не только отбивался от противника, но и жил, строил свою систему самоуправления - не придуманную кабинетными теоретиками, а рожденную самой жизнью, творчеством людей. Многократно проклятая и преданная ныне анафеме, Советская власть показала здесь, что она может нормально работать и не быть при этом ширмой для парткомов, если только она не отрывается от мест, не образует единого бюрократического монолита, а функционирует так, как было изначельно: в виде собраний делегатов, принимающих решения в соответствии с данными населением указаниями. Разумеется, эта беспартийная, свободная, распыленная, самоуправляющаяся советская власть - все еще Власть, а не Анархия, но ведь это - огромный шаг в сторону Анархии, Свободы, Самоуправления.

Но славный опыт махновского района, к сожалению, так и остался уникальным локальным явлением. Хребет народного движения, выступившего под лозунгами свободного социализма, был перебит в 1921 году. Перебит солдатами Тухачевского, сжигавшими тамбовские деревни и выкуривавшими крестьян из лесов ядовитыми газами. Перебит большевистскими орудиями, в упор растреливавшими мятежный Кронштадт. Перебит буденовской конницей, предательски растоптавшей махновский район в то самое время, когда основная часть повстанческой армии форсировала Сиваш, громя Врангеля вместе с красными. Но самое главное - перебит мудрым Ильичем, обьявившим в 21-м году о прекращении продразверстки и введении нэпа - в нарушение всех марксистских антирыночных догм. После этого Махно был обречен: Ленин отнял у него социальную базу, разрешив крестьянам продавать излишки хлеба на рынке... С отрядом верных бойцов он прорвался через всю Украину и оказался в Румынии, где и был немедленно арестован как... большевистский агент. И пошли скитания по румынским, польским, немецким тюрьмам и лагерям, полуголодная жизнь в Париже и потоки лжи, выливаемые на батьку на его родине. Умер Нестор Иванович в 1934 году и похоронен на кладбище Пер-Лашез рядом с парижскими коммунарами... Что осталось? Остались народные легенды о славном богатыре-освободителе, да песни, исполняемые вполголоса - подальше от посторонних ушей.

Но если вновь накатит на наше общество пламя гражданской войны, если мы с вами, почтенный читатель, очутимся в его огнедышащем пекле, то на вопрос - что можно будет делать? - мы уже не сможем ответить: "Не знаем". Ибо мы знаем, что делал в т о й гражданской батька Махно. Между знанием и действием - дистанция огромного размера. Ссылаться на незнание нам будет невозможно. Но с м о ж е м л и м ы д е й с т в о в а т ь - вот вопрос. На него, кроме нас, никому не дано ответа.

Петр РЯБОВ

Батька Махно в годы гражданской войны.

ОДИН ДЕНЬ НЕСТОРА ИВАНОВИЧА

Умышленно я выехал на съезд днем раньше. С вокзала еду прямо в кисок федерации. Застаю в нем секретаря - Молчанского. Одессит, старый товарищ. Знаем друг друга еще с каторги. Радость, обнимаемся, целуемся.

Я тотчас же обрушился на него: что они делают по городам? Почему не разъезжают с целью организации по всей губернии?

Товарищ Молчанский со свойственной ему манерой волнуется, разводит руками, говорит: "Брат, сил нет. Мы слабы. Мы только-только сгруппировались здесь и еле обслуживаем рабочих на здешних заводах и солдат по казармам. Мы надеемся, что со временем наши силы разовьются, и тогда мы теснее свяжемся с вами в деревне и начнем работу более энергичную по деревням"...

Долго мы после этого сидели молча и глядели друг на друга, погрузившись каждый в себя и в будущее нашего движения в революции... А затем Молчанский начал успокаивать меня, уверяя, что в недалеком будущем в Екатеринослав приедут Рогдаев, Рощин, Аршинов и ряд других товарищей, нам не известных. Наша работа будет переброшена в деревню. Затем он повел меня в клуб федерации, который раньше назывался Английским клубом.

Там я застал много товарищей. Одни спорили о революции, другие читали, третьи ели. Словом, застал "анархическое" общество, которое по традиции не пизнавало никакой власти и порядка в своем помещении, не учитывало никаких моментов для революционной пропаганды среди широких трудовых масс, так остро в этой пропаганде нуждавшихся.

Тогда я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедок, обглоданные кости?

Я смотрел на все это и болел душой. В это время в залу вошел Ив.Тарасюк (он же Кабась), заместитель секретаря Молчанского. Он с болью и возмущением сперва тихо, а затем чуть не во весь голос закричал: "Кто ел на столе, уберите!"... Сам начал подымать опрокинутые стулья...

Быстро все со стола было убрано, и взялись подметать залу.

Из клуба я возвратился опять в киоск федерации, подобрал ряд брошюр себе для Гуляйполя и хотел было уходить в бюро по созыву съезда для получения бесплатного номера на время работы съезда, как в киоск зашла молодая барышня, оказавшаяся товарищем. Она просила товарищей пойти с нею в зимний городской театр и поддержать ее в выступлении перед рабочей аудиторией против увлекающего рабочих социал-демократа "Нила". Но присутствующие товарищи ей сказали, что они заняты. Она ни слова больше никому не сказала, повернулась и ушла.

Товарищ Молчанский спросил меня: "Ты с нею знаком? Это - славный и энеричный товарищ". Я в ту же минуту бросил киоск и нагнал ее. Предложил ей идти вместе на митинг, но она мне ответила: "Если не будете выступать, то вы мне не нужны там". Я обещал ей, что выступлю.

Тогда она взяла меня за руку и мы ускорили шаги по дороге в Зимний театр. Этот юный и милейший товарищ рассказала мне по дороге, что она всего три года как сделалась анархисткой. Это ей трудно далось. Она около двух лет читала Кропоткина и Бакунина. Теперь почувствовала, что прочитанные ею труды помогли сложиться ее убеждениям. Она их полюбила и во имя их работает. До июля она выступала перед рабочими, но боялась выступить против врагов анархизма - социал-демократов. В июле на одном из митингов в сквере она выступала против социал-демократа "Нила". Он ее хорошо отстегал. "Теперь я, - говорила она, - собралась с силами попробовать вторично выступить против этого "Нила". Это - агитаторская звезда в центре социал-демократов".

На митинге я выступил против знаменитого "Нила" под псевдонимом "Скромный" (мой псевдоним с каторги). Говорил скверно, хотя по уверению товарища "это было очень удачно, только что волновался".

Мой же товарищ, юный и энергичный, завоевала весь зал своим нежным, но сильным ораторским голосом: аудитория была восхищена этим голосом, и мертвая тишина, когда слушали то, что она говорила, сменялась бурными рукоплесканиями и громовыми криками: "Правильно, правильно, товарищ!"

Товарищ говорила недолго, 43 минуты, но настолько возбудила массу слушателей против положений, высказанных "Нилом", что когда последний вышел оппонировать всем против него выступавшим, зал закричал: "Неверно! Не забивайте нам головы неправдой. Правильно нам говорили анархисты. Вы говорите неправду..."

Нестор МАХНО, "Воспоминания"
(М., "Республика", 1992)

ЧЕГО ЧИТАТЬ

"АСПИРИН НЕ ПОМОЖЕТ"

Журнал "Аспирин не поможет" - одна из инициатив группы имени Алексея Борового. Но не подумайте, что это партийный орган. Совсем наоборот - группа, численность которой - один человек, может позволить себе быть беспартийной и необъективной без ущерба для себя.

Для нас важно познакомить как можно большее количество людей с идеями, находящимися в русле анархизма и либертарного социализма. Не просто познакомить, но и заставить творчески их воспринять. Заставить спорить. Не соглашаться. Выдвинуть реальную альтернативу прогнившему авторитаризму - как буржуазному, так и коммунистическому. Вставить клизму беззубому русскому радикализму и добиться либо выздоровления, либо скорейшей смерти больного. Уничтожить деление на профессиональных революционеров и обывателей, чтобы расчистить дорогу Революции и Анархии. Собрать силы в кулак и свергнуть тщеславных богов Олимпа, а вместе с ними и отношения, основанные на принципах иерархии и господства, уничтожить эксплуатацию и отчуждение.

Мы не верим в идеологии, но и не считаем идиотизм средством достижения светлых целей. Пытаясь взять все лучшее от предшествующих революционных движений, как политических, так и артистических, мы стремимся не только объяснить окружающий мир, но и изменить его.

Первый номер рассказывает о ситуационистах и предлагает читателю критический очерк о падении коммунизма и триумфе капитала. Во втором номере вы найдете продолжение дискуссии на ту же тему, рассказ о бунте в Лос-Анджелесе и анализ первомайских столкновений в Москве, литературные опыты и образчики массовой культуры, наполненные новым содержанием. Но самое ценное в журнале - это его огромный потенциал. У нас еще почти все впереди. Третий номер на подходе, он обещает быть толще, лучше и разнообразнее - следите за тем, что носится в воздухе.

С нами можно связаться по адресу: 109462, Москва, Волжский бульв., д. 21, кв. 62, Михаил Цовма. (N 2 - Май 1993, 26 стр. А-4, с иллюстрациями)

"НОВЫЙ СВЕТ"

Питерская анархическая газета, издаваемая Маргинально-анархическими контр-инициативами. В ней вы найдете как хронику и документы анархического движения, так и авангардно-литературные стихи и рассказы, советы начинающим террористам и бывалым экологам, правозащитную и историческую информацию. Свободный, радикальный, боевой, но не "урловый" орган МАКИ является не только коллективным агитатором и пропагандистом, но и организатором левой питерской молодежи. В последних номерах "Нового Света" (NN 4 и 5 за 1993 год): статья Н.Мазуренко "Анархизм и масонство", информация об изготовлении взрывчатых веществ в домашних условиях, резолюции 6-го сьезда АДА (Ассоциации движений анархистов), антиатомные материалы и рассказ о беспределе, царящем в славной советской армии и, наконец, реакция анархистов Питера, Москвы и Твери на сентябрьско-октябрьский путч Ельцина.

Адрес для писем: 191002, С.-Петербург, ул. Достоевского, д. 22, кв. 18, Стариловой Людмиле Ивановне (для "Нового Света"), контактный телефон (812) 598-69-51 Рауш Петр Александро-

РЕШИТЕЛЬНО ВОЗРАЖАЮ

авторам журнала "Подробности Взрыва" (тираж маленький, не многим, вероятно, посчастливилось ознакомиться).

"Революцию нельзя оставить без тепла"??

Нет, товарищи!

Вообразите кухню, полную тараканов, теплую и сырую. Что есть революция в данной ситуации?

А вот что.

Тараканы, навалясь все вместе, чтоб посвежело (см. текст на обложке) открывают форточку.

На улице зима.

Вот революция!

А.Калашников

АУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ?

Конфедерация анархо-синдикалистов ищет группу музыкантов для записи кассеты русских анархических и революционных песен.

Звонить в рабочее время по телефону (095) 227-18-12, спросить Мишу или Влада.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

вич. Газету также можно купить в Питере у "Гостиного двора" и в рок-магазине "Манчестер" на Гаврской, 4 (метро "Удельная"). (N 5 (28) - Октябрь 1993, 8 стр. А-4, с иллюстрациями).

"ОБЩИНА"

Самый толстый, "солидный" и древний анархический журнал в России. Выходит с 1877 года (с небольшим перерывом с середины 1878 до осени 1987 г.). Выпускается лицами, близкими к Конфедерации анархо-синдикалистов (некоторое время "Община" была даже официальным "органом" КАС). Однако, несмотря на столь четкую ангажированность, "Община" будет полезна всем, кто интересуется всевозможными разновидностями политического и экологического анархизма, историей и практикой революционных и повстанческих движений XIX и XX веков, а также теорией - политической, общественной и (контр)культурной.

Читайте в двух последних номерах "Общины":

N 48 - "Стратегия движения: генеральное отступление" - размышления ветерана русского анархизма Петра Рябова, "Долгий путь к анархии" - ответные размышления не менее ветеранистого Шуры Шубина, программные тезисы Конфедерации анархо-синдикалистов, "Экология - это анархизм" (не правда ли?), "Воспитание бунтаря, или Левацкое искусство умирать" Александра Тарасова (французское кино "новой волны" как одна из движущих сил революции 60-х), "Чашка и маузер (Бойтесь гайдаров, дары приносящих)" - проделанный Олегом Давыдовым анализ некоторых смертеутверждающих черт рода Голиковых-Гайдаров, а также другие материалы (Ноябрь 1992 г., 24 стр. А-4, с иллюстрациями).

N 49 - "Атомная чума" (ну, сами понимаете: экология - это анархизм), полемика Кирюши Привезенцева и Тёмы Грустного относительно навязываемых (и, таки, навязанных!) стране выборов в "как бы учредительное собрание", экстремистская и немножко пророческая статейка товарища Тарасова "Забастовка - не крайний способ борьбы", блочок против приватизации (так и называется для простоты: "ПРОТИВизация"), с понтом теоретические прогоны Ильи Смирнова (экс-"УР лайт") и Александра Шубина на тему анархии и главный хит номера - 12-страничная вкладка, посвященная 25-летию мировой революции 1968 г. (индивидуалистов привлечет текст Пети Рябова "Май и я", приколистов - статья к.и.н. Александра Семенова "Маскарад и политика", а революционных теоретиков, искателей пути, контркультурщиков и конъюнктурщиков - мудрый переводной (с английского, разумеется) материал Филлипа Смита "Ситуационисты и их наследие" (если смогли без ошибок с первого раза прочесть слово "ситуационисты", то справитесь и со статьей). (Август 1993 г., 36 стр. А-4, с иллюстрациями).

Заказать экземпляры можно по телефону (095) 227-18-12 (в рабочее время, спросить Влада или Мишу) или по адресу: 129642, Москва, а/я 16 (для получения одного экз. жителям страны РФ в ноябре 1993 г. надо выслать 400 руб. Цена привязана к инфляции). Кроме того, "Община" распространяется почти каждую пятницу в Москве в "А"-клубе.

"ТРЕТИЙ ПУТЬ"

Анархо-экологический журнал, издаваемый в Нижнем Новгороде С.Фомичевым с ноября 1988 г., распространяется в России, ближнем и дальнем зарубежье. Основные темы журнала - зеленое и анархическое движение в России и за рубежом, обзор западной и отечественной радикальной прессы, экологическая информация и проекты, социальная экология, акции протеста, контркультура и альтернативное общество. В последнем, 31 номере журнала можно прочесть статью об акции в Жигулевске, написанную ее организатором. Переводные материалы представлены статьями "Либертарный коммунизм" широко известного сегодня на Западе анархистского теоретика и основателя движения социальной экологии Мюррея Букчина, а также "Зеленые анархисты в США". В том же номере можно найти информацию о событиях, происшедших в анархическом и экологическом движении с апреля по октябрь текущего года. В общем, поучительно... (Октябрь 1993 г., 20 стр. А-5, с иллюстрациями).

Адрес редакции: 603082, Нижний Новгород, а/я 14, Телефон (8313) 54-38-96, E-mail: tretyput@glas.apc.org.

Снова о выборах: плакат движения "Субтропическая Россия"
работы художника Гр. Точкина

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР "А"

Культурный центр "А" - независимая общественная организация, образованная в январе 1993 г. Основной целью Центра является поддержка и реализация проектов в области альтернативной культуры. Наше кредо - "настоящее искусство всегда альтернативно". Своим идеалом мы видим создание сети автономных центров культурной жизни.

Вся деятельность Центра подразделяется на три основные сферы: экология, наука, искусство.

Экологическая программа подразумевает реализацию ряда акций, объединенных названием "Радикальная защита лесов". Проект направлен на сохранение экологического баланса сибирских лесов и ориентирован на традиционные ценности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Но мы также принимаем участие в других экологических проектах. Например, мы были одними из организаторов лагеря протеста в Жигулевске в июле-августе этого года. Группа, реализовывающая эту программу входит на правах subdivision в радикальную экологическую организацию "Хранители Радуги".

Программа "Другое искусство" основной своей целью ставит эстетическое осмысление феномена человеческого бытия. В рамках программы функционирует музыкальный проект по поддержке коллективов, играющих альтернативную музыку. Он находит свое овеществление в небезызвестном "А"-клубе, где каждую пятницу проводятся концерты, а также распространяется различная леворадикальная и экологическая литература. Там же мы подписывали людей на акцию в Жигулевске. Программа "Другое искусство" предполагает также несколько галерейных разработок и проведение ряда уличных перформансов.

Научный проект Центра реализует программу "Гуманитаризация сознания". Программа разрабатывает проблему экологии личности. Основной ее целью является новое осмысление места человека в окружающем мире.

Центр предполагает развитие издательской деятельности в рамках всех трех направлений (одним из ее примеров является участие в издании журнала, который вы держите в руках).

Культурный Центр "А" готов к любым формам сотрудничества с заинтересованными людьми и организациями. Мы поддерживаем различные альтернативные инициативы.

Держите с нами связь через почтовый ящик "Вуглускра" или через "А"-клуб каждую пятницу.

Лихорадка в пятницу вечером

Одним из воплощений музыкального проекта Культурного центра "А" является небезызвестный "А"-клуб. Тусовки в "А"-клубе проводятся по пятницам с 18.00. Впрочем само сценическое действо начинается с 19.00, а между двумя вышеозначенными цифирами можно попить пивца-винца (ширца и травца в буфетце не продаетца, но за употребление вроде еще никто не выгонял).

За время существования "А"-клуба была проведена следующая учебно-воспитательная работа: продажа контркультурных, музыкальных изданий, пластинок, реклама других дружественных клубов и тусовок. Также в летнее время в "А"-клубе осуществлялся набор волонтеров в летний лечебно-оздоровительно-трудовой лагерь экстримистско-экологического движения "Хранители радуги" в Жигулевских горах и лесах. К вышесказанному можно еще добавить, что проводились также собственно альтернативно-музыкальные мероприятия, как-то: "Калинов мост", "Ник рокендролл", "Группа Алексея Тегина", "СлавныйчеловекСиля", "Вежливый отказ", "Комитет охраны тепла", "Веселые картинки", "Два самолета", "Чудо-Юдо", "Нюанс", "НТО рецепт", "Рада и терновник", "Крематорий", "зАиБИ", а также прочие таймячие квачи и соломенные еноты. Набор достаточно стилистически и концептуально разнообразный. Данной политики полистилистики организаторы собираются придерживаться и далее. Вход в "А"-клуб не заказан ни одной группе. Лишь грязным фашистам мы покажем жирный ХУЙ!

НА ДАННЫЙ МОМЕНТ "А„клуб находится по адресу:

Метро "Киевская", Бережковская набережная, дом 28. Проезд троллейбусами 34, 7, 17, автобусами 119, 91, а также любым транспортом, идущим от Киевского вокзала в сторону "Мосфильма" до остановки "Патентная библиотека", ДК "Дорхимзавода". Приходите, мы ждем вас каждую пятницу.

НА ХУЙ

ВУГЛУСКР

N 1, ноябрь 1993 г.

Над номером работали:
Мустафа БАБАЙ, Nick. St. DOG (UK),
Иван ПОМИДОРОВ, Артем КАЛАШНИКОВ,
Аня КУЗНЕЦОВА, Silver ROCKET (США),
Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ, Любомир СЕРДОБОЛЬНЫЙ,
Isaak TRIFFEED (ЮАР)

Связь с редакцией по адресу: 107061, Москва,
а/я 500 или через распространителей журнала

Ты фашист!
Да, ты, тот, кто это читает. Пусть ты коммунист или демократ, бейтаровец или баркашовец, панк или гопник-
Ты фашист!
Такие как ты смотрели на штурм Белого Дома, потягивая пиво.
Ты дерьмо!
Ты за "демократию". Это для тебя железная власть не самого худшего президента. Ты уже привык ходить за водкой не позже комендантского часа.
Ты трус!
Если тебе нужно только твое пиво, "спокойная жизнь" в городе во время гражданской войны и мирный сон в комендантский час-
ГОЛОСУЙ ЗА ЕЛЬЦИНА!